

Алина Павлович

ЛЮСИ

Рассказ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алина Павлович Люси. Рассказ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53837589

SelfPub; 2020

Аннотация

Люси поступила к нам зимой. Ей было 12 лет, у нее были маленькие черные глазки и большой, непропорциональный рот с тонкими губами. Зимний набор ее вещей составляли шерстяные штаны, на пару размеров больше, растянутая водолазка и нелепый фиолетовый пуховик с зелеными карманами. – Весной меня увезут во Францию, – заявила Люси, как только Екатерина Андреевна привела ее в нашу комнату. Рассказ о девочке, которая попала в детдом, и которая отчаянно ждала своего папу из Франции. Содержит нецензурную брань.

Люси поступила к нам зимой. Ей было 12 лет, у нее были маленькие черные глазки и большой, непропорциональный рот с тонкими губами. Зимний набор ее вещей составляли шерстяные штаны, на пару размеров больше, растянутая водолазка и нелепый фиолетовый пуховик с зелеными карманами.

– Весной меня увезут во Францию. – Заявила Люси, как только Екатерина Андреевна привела ее в нашу комнату.

– Люда, проходи в комнату и познакомься с девочками. Твоя кровать третья от стены.

– Я не Люда, я Люси. – Делая ударение на последнюю букву, строго поправила новенькая.

– Девочки, это ваша новая соседка. – Екатерина Андреевна бегло осмотрела комнату, заметила на полу валяющиеся бутылки из-под кока-колы и цокнула языком. – И где вы их только надыбали. Убрать. – Воспитательница вышла из комнаты, прикрыв дверь.

Люси, не глядя на нас, подошла к своей кровати и положила на нее пластиковый пакет. Из него она достала книгу, помятую желтую юбку в цветочек, блестящую блузку с бантом и побитые туфли – они были, кажется, на взрослого человека, но никак не на ребенка. Разложив юбку и блузку на кровати, она расправила их, чтобы разгладились складки. Туфли Люси бережно поставила под кровать, а пакет повесила на спинку кровати. Справившись со всем, она села на край кровати и впервые пристально посмотрела на нас.

Наша комната была рассчитана на семь девочек. До Люси мы полгода жили вшестером – нашей седьмой соседке Полине исполнилось в июне восемнадцать лет и ее выпустили, по словам Екатерины Андреевны, в большой мир. Полина очень не хотела выходить в большой мир, долго плакала в последнюю ночь, а утром, уходя из детдома, только помахала нам рукой и просто сказала “пока”. После ухода Полины, Екатерина Андреевна нас долго успокаивала, говорила, что Полину удалось устроить в приличное место на кухню, и что где-то на юге города ей даже перепала комната.

– И она будет жить там совсем одна, в этой комнате?

– Да, совсем одна.

Мы заревели еще громче. Бедная, бедная Полина. Быть одному – еще хуже, чем быть всемером в одной комнате. Это ведь только ты, только комната, только кровать и стол. В шкафу висят только твои вещи, и ты не можешь одолжить другие. Ты не нужен ни этому столу, ни ни этой кровати, ни этим вещам. Тебя будто наказали и поставили в одиночку в угол – и ты стоишь там один, совсем один.

Ксюша и Ира были на два года младше Полины. В ту ночь они ревели дольше всех – до выпуска им оставалось два года, и воспитательницы уже активно привлекали их к труду – чтобы в большом мире можно было легче устроиться. Складывалось впечатление, что в этом большом мире только и делают, что намывают, готовят, убирают, гладят, стирают. На игровое время совсем не оставалось, и одними играми, как говори-

ли воспитательницы, денег не заработать. Ксюша иногда высылала эти самые деньги – ее тетя работала на мясокомбинате, и иногда она приходила в детдом навестить Ксюшу. Мать Ксюши считалась без вести пропавшей, а отец был неизвестен. У самой же тети было трое детей, которых она периодически грозила отправить к Ксюше. Благодаря деньгам Ксюшиной тети мы были очень богаты – мы могли покупать колу. У Иры же был отец. Он и привел ее в детдом, написав от нее отказную. Пару раз Ира видела его около детдома – он шатался возле калитки, не решаясь зайти. В последний раз Ира показала ему фак ю – средний палец. Этому ее научила до своего ухода Полина, сказав, что это лучший оберег от мудаков. Как говорит Ира, оберег сработал – больше своего отца у ворот детдома она не видела.

Кровать Иры была у самой стенки, рядом с ней стояла кровать Ксюши и следующая кровать была Оксаны. Оксане, как и мне, было четырнадцать. Она попала к нам пару лет назад, и практически ничего о себе не помнит. Поэтому про происхождение Оксаны ходили разные истории и сплетни. Иногда я просыпалась по ночам от негромкого воя Оксаны. Мне приходилось ее будить, она пару секунд как-то странно на меня смотрела, потом что-то негромко мычала, кивала мне головой и поворачивалась на бок – спать дальше. Оксана знала совсем немного слов. А, может, просто не хотела пользоваться другими. Моя кровать находилась рядом с Оксаниной и Полининой, которая потом перешла к Люси.

По другую сторону от Люси находилась кровать Светы. Свете было десять лет и у нее были очень красивые светлые волосы. Видимо, в честь света ее так и называли. Она часто их распускала и бегала по коридору – так, чтобы волосы развевались, как у принцессы из мультика. Света говорила много, но половина ее слов была запрещенная. За них воспитательницы ставили в угол, а иногда даже пугали взмахом руки для удара. Но воспитательницы никогда Свету не били – они только говорили “яблоко от яблоньки”. А Света тут же их передразнивала – “ебленько от ебленьки” и быстро убегала, развевая волосами. Рядом со Светиной кроватью, у стены, стояла кровать Наташеньки. Наташенька была у нас самая маленькая. Ей было пять лет и она умела смешно хрюкать. Воспитательницы горевали, что только это она и умеет. Мы же Наташеньку очень любили и учили другим звукам – мычанию коровы, мяуканью кошки, гавканью собак и кокотанию курочек. Наташенька заливалась громким смехом и хрюкала нам в ответ. Я же сама не помнила, как оказалась в детдоме. Как мне рассказывала Екатерина Андреевна, меня принесли сюда совсем новорожденной. А я думала, что это все выдумки, и никто меня не приносил. Я просто появилась здесь, прямо на моей кровати.

Мы все с интересом смотрели на Люси. Она переводила взгляд от одной девочки к другой и вздрогнула, когда услышала хрюк Наташеньки.

– Где здесь туалет? – голос Люси звучал немного глухо и

слегка дрожал.

– Слева, в конце коридора. – Ира, приподнявшись на локте на кровати, с улыбкой рассматривала новенькую.

– Мерси.

Люси встала с кровати, и, уже не глядя на нас, вышла из комнаты.

– Мерси, тужур! – Рассмеявшись, передразнила ее Ира, когда за Люси закрылась дверь.

Поднявшись со своей кровати, Ира подошла к кровати Люси, вытащила ногой спрятанные побитые туфли и засунула в них свои ноги.

– Прямо на меня. – Ира с восторгом рассматривала обновку.

В нашей комнате стоял один шкаф на всех. Там висело десять платьев, было несколько пар джинс и брюк, кофты и майки. Это все было нашим, общим. Одежды было много – воспитательницы иногда приносили пакеты, доверху набитые вещами. Но вот красивой одежды – мало. Принесенные Люси юбка и блузка были очень-очень красивыми. Мы все подошли к кровати Люси – нам хотелось примерить их на себя как можно скорее. Блузка была очень похожа на ту, которую я видела в одном фильме – она также блестела и на шее завязывалась красивым бантом. Желтую юбку уже нацепила поверх джинс Ксюша – старшие, как правило, были первые, кто примерял на себя новые вещи. Вдоволь покрутившись в обновках, они уже потом помогали нам, младшим, нацепить

на себя новую одежду. Я провела рукой по блузке и обратила внимание на лежащую рядом с ней книгу – грамматику французского языка. На обложке были изображены молодые ребята, широко улыбающиеся очень белыми зубами. За их спинами торчала железная башня, батоны белого хлеба и стеклянная пирамида. На книге была надпись “Грамматика французского языка. 7 Класс”.

– Это мое! – за нашими спинами раздался громкий вскрик вернувшейся Люси.

Она метнулась к Ксюше, чтобы стянуть с нее юбку. Ксюша, не ожидавшая нападения, расстегнула юбку и стащила ее с тебя. Люси вырвала юбку из рук Ксюши и кинулась к туфлям, в которых стояла Ира.

– Отдай, это бабушка мне подарила!

Ира засмеялась. Она вообще очень часто смеялась. Лишь раз я видела, как Ира плачет – когда ушла Полина. Мы уже привыкли к тому, что Ира может начать смеяться в не самый подходящий момент. Она смеялась, когда когда в мультике с кем-то происходило несчастье, или когда кто-то плакал. Она смеялась, если дети начинали драку, или если воспитательницы кого-то ругали. Но особенно ее смешило, когда кто-то говорил очень прямые, грубые вещи. Ее очень веселило то, как люди реагируют, слыша про себя правду. “Сразу их лица настоящими становятся” – говорила Ира. Себя Ира называла “правдолюбом”. “Я не терплю вранья. И когда говорят правду, я кайфую. Поэтому и смеюсь” – объясняла свой смех

Ира. За это она пользовалась большим уважением, и многие спрашивали у нее совета – все знали, что Ира ответит честно, без подлизов. После ухода Полины, Ира осталась у нас за главную. Она распорядилась уборкой в комнате, списком покупок в магазине, нашими нарядами на праздник. Мы не представляли, как бы без Иры вообще выжили.

Ира медленно, растягивая момент и пристально глядя на Люси, сняла сначала одну туфлю, а за ней, также медленно, стянула другую. Люси быстро схватила их и села на кровать, прижав к груди свои вещи. У нее были заплаканные глаза, она часто дышала.

– За мной должен приехать мой отец. – Быстро выпалила она. – Он возвращается весной сюда и заберет меня к себе во Францию.

Ира вновь рассмеялась.

– Заберет, говоришь? Мой, например, меня сюда привел. – смеялась Ира.

Люси опустила голову. У нее начали слегка подергиваться плечи. Мы слышали, что ее дыхание пошло рывками. Продолжая прижимать к себе свою одежду одной рукой, второй рукой Люси начала тереть глаза. Она плакала. Мы подошли к ней. Наташенька громко и жалобно захрюкала со своей кровати – она у нас очень эмоционально переживала чужие слезы. Ксюша села к Люси и начала гладить ее по спине – так всегда делала ее тетя, когда Ксюша начинала плакать, если речь заходила о большой жизни вне детдома.

– Тебя как по итогу зовут? Люда? – спросила Ксюша.

– Люси.

Так у нас и появилась Люси.

Первый месяц Люси была совсем неразговорчивой. Она не принимала участие в играх, часто оставалась одна в комнате, в то время, как мы сидели в гостиной с другими ребятами детдома. О себе Люси ничего не рассказывала – от наших расспросов она начинала сразу плакать. Старшие – Ксюша и Ира смогли добыть немного информации об истории Люси от воспитательниц.

Люси воспитывалась бабушкой. В молодости она была учительницей французского, поэтому с раннего детства Люси была привлечена к изучению этого языка. Именно бабушка и называла ее Люси – на французский манер. Что случилось с матерью Люси, никто толком не знает – каких-либо документов не было найдено, и воспитательницы говорили, что скорее всего от Люси отказались в роддоме, и девочку отдали на воспитание бабушке. Про отца же – сына бабушки, воспитательницы знали только со слов Люси – что он якобы живет во Франции, и обязательно за ней приедет. В этом ее уверяла бабушка, и именно поэтому Люси так необходим французский язык. Соцслужбы делали запросы, чтобы найти возможного отца девочки. Но все запросы оставались либо неотвеченными, либо находились лишь однофамильцы. К нам Люси попала, потому что одним утром бабушка не

проснулась. Мы немного завидовали Люси – она попала сюда, как мы считали, по какой-то “высокой”, большой причине. От нее не отказались, как от многих из нас. Ее, возможно, даже любли. Может, она бы и не попала сюда вовсе, если бы не эта весомая причина.

– Судьба. – Задумчиво протягивала Ира.

Через месяц Люси начала чуть-чуть обвыкаться. Периодически она даже стала выходить вместе с нами в гостиную. Люси не принимала активного участия в играх, но наблюдала за нами. Другие ребята детдома сначала с любопытством подходили к ней, пытаясь вовлечь в игру. Но видя, как Люси их сторонится, быстро теряли к ней интерес. В нашей комнате она чувствовала себя заметно спокойнее. Люси практически не расставалась со своей книгой – грамматикой французского языка. Перед завтраком она повторяла какие-то слова – они очень смешно звучали, и Света пыталась повторить их за Люси. Правда, на свой манер.

– Ля патисри. – Люси произносила слова негромко, несколько раз повторяя их.

– Бля ты посри. – Крутя “ррр” и имитируя Люси, вторила ей Света.

– Пардон?

– Хуйдон.

Французский Светы нас отчаянно доводил до смеха. Если слова Люси нам были совсем незнакомы и чужды, то в переводе Светы становилось все ясным и понятным. Люси по-

началу тут же прерывалась и продолжала повторять уже про себя. Позже она научилась не обращать внимание на Светины интерпретации, а один раз даже попыталась поставить ей верное произношение. Но эту затею она тут же откинула, когда вместо “крутящегося р” получила в ответ отрыжку.

По-настоящему проникновенным слушателем Люси неожиданно для нас стала Наташенька. Каждый раз, когда Люси принималась что-то читать и произносить по-французски, Наташенька замирала, открывала рот и не отрываясь смотрела на Люси. Ксюша нам рассказывала, что один раз после обеда, проходя мимо нашей комнаты, она увидела, что Наташенька сидит на коленях Люси, и та ей читает слова, прося повторить их за ней. Наташенька смотрела в книгу и пыталась издать похожие звуки. Зная, что Наташенькина речь ограничивается разной тональностью хрюканья, мы думали, что Ксюше это просто показалось.

С другими девочками отношения Люси складывались поразному. Оксана мало разговаривала и в целом не очень интересовалась новенькой. В чем-то они были даже похожи. У обеих неясное прошлое, обе молчаливы. Сильная разница была только в их взглядах – Оксана смотрела из-под лба, тяжело. Казалось, что она знала про тебя что-то, о чем ты даже и не догадывался. Люси же обычно кидала быстрые взгляды, часто пряча глаза. Она не смотрела прямо в наши лица, словно боясь что-то там увидеть. А может, что-то и увидела, поэтому и боялась. Ксюша, не смотря на неразговорчивость

Люси, сразу отнеслась к ней по-теплому. Она хорошо помнила тот день, когда ее привели сюда после исчезновения мамы. И как было тяжело свыкнуться с мыслью, что ты здесь надолго. Ксюша не приставала к ней с расспросами, всегда покупала ей что-то сладкое в магазине и успокаивала, если видела, что Люси вновь плачет.

Я сначала пыталась подружиться с Люси. Рассказала ей всю историю наших девочек, пыталась вовлечь во все игры и задавала вопросы, чтобы найти хоть что-то, о чем мы могли бы с ней поговорить.

– У тебя была собака?

– Нет.

– А хочешь?

– Хочу. – Люси слегка кивнула головой.

– Рядом есть старый сырзавод. Там постоянно щенки водятся. Можем пойти туда, ты выберешь своего, поручишься за него.

– Поручусь? Это как?

– Ну ты играть с ним будешь. Назовешь как-нибудь.

Люси покачала головой.

– Я скоро уеду. Он привяжется ко мне, а я к нему. Получается, что мне придется его бросить, так же, как... – Люси осеклась и замолчала.

В тот момент слова Люси меня очень задели. Но я решила этого не показывать и просто пожала плечами – “Как хочешь”. Я была старше Люси и хотела казаться умнее. По-

сле этого мы еще пару раз общались, но дружба так и не завязалась. Я решила, что буду держаться с ней так же, как и с неразговорчивой Оксаной – просто соблюдать соседский нейтралитет.

В Люси была, как мне тогда казалось, какая-то надменность и отстраненность. Она смотрела на все вокруг, как на что-то временное, к чему не стоит привязываться. Она ждала своего папу и преданно верила, что весной он заберет ее во Францию. Эта упертость, с которой Люси ждала отца, как-то очень задевала Иру. Девочки не враждовали в открытую. Но было заметно, что в присутствии Иры, Люси было не комфортно, а при виде Люси на Ирином лице появлялась жесткая улыбка.

– Люси, а почему он должен тебя забрать именно весной? Почему, например, не летом? – Ира валялась на кровати и лениво листала журнал.

Люси, оторвав взгляд от учебника французского, быстро посмотрела на Иру, и, поймав ее колючую улыбку, тут же отвела взгляд.

– Потому что бабушка говорила, что этой весной он точно должен приехать.

– А до этого почему не приезжал? – Завязавшийся разговор явно разжигал в Ире азарт.

– Не мог. – Глухо ответила Люси.

– А ты его хотя бы до этого видела?

Люси молча уставилась в учебник.

– Он хотя бы знает, в каком ты детдоме? – Не унималась Ира. Она уже отложила журнал в сторону и, улыбаясь, пристально смотрела на Люси.

Люси не реагировала. Она также молча продолжала смотреть в учебник.

– Ира, отстань уже от нее. – Вмешалась Ксюша. Она сидела за столом и, поджав под себя ноги, красила ногти.

Ира с неохотой вновь откинулась на кровать. Она не хотела ссориться с Ксюшей из-за новенькой – велика честь. Но Ира точно знала, что правды она еще добьется.

Зима пролетела быстро. Март выдался теплым, и мы чаще стали проводить время на улице. Люси выходила во двор вместе с нами, но, как и прежде, участие в играх не принимала. Она либо сидела в стороне от нас на лавочке, либо подходила к калитке, вставала на нижнюю решетку, хваталась руками за прутья и долго смотрела на соседние улицы. Она могла так стоять до самого вечера, пока не становилось совсем темно. Порой воспитательницам приходилось идти за ней, чтобы загнать ее обратно домой.

В марте за Люси так никто и не пришел.

В начале апреля нашему детдому устроили, как выразились воспитательницы, день просвещения. Целый день нам предстояло провести на экскурсии в большом краеведческом музее. С утра мы тщательно умылись и причесались. Мальчики вместо джинс надели брюки, девочки – юбки и

платья. Люси нарядилась в свою желтую юбку и блестящую блузку. Старшие девочки посчитали наряд Люси нелепым – слишком уж взрослая одежда на ребенке, а я же нашла в этом какой-то шарм.

Экскурсия оказалось очень нудной. Экскурсовод и воспитательницы пытались собрать нас всех воедино и заставить хоть что-то послушать, но от заунывной речи экскурсовода страшно хотелось спать. Чтобы не уснуть, мы начали играть с вещами, которые были в музее. Оказалось, что этого делать было нельзя, так как за эти вещи, как сказали воспитательницы, “нам головы открутят”. Зевая, мы с нетерпением ожидали окончания экскурсии. И, когда мы вышли из музея, все облегченно вздохнули. И, кажется, воспитательницы сделали это громче нас.

Мы пошли к автобусной остановке. Каждый должен был идти в паре, и со мной шла Люси. Она слегка придерживала мою руку и озиралась по сторонам. Я же пыталась наступить на пятки впереди идущему Юрику. Юрик ускорял шаг и кривлялся, что раззадоривало меня еще больше. Вдруг рука Люси выскользнула из моей. Я подумала, что ей просто надоело постоянно тянуть меня назад, от Юрика, но тут раздался вопль, прямо над моим ухом.

– Папа! – Люси рванула прочь.

На мгновение все замерли. Первыми очнулись воспитательницы.

– Люда, назад! – Заорали они.

Люси бежала очень быстро, в сторону жилых домов. Ксюша и одна из воспитательниц рванули вслед за Люси.

– Люси, стой! – Орала Ксюша.

Люси скрылась из виду за одним из домов. Ксюша и воспитательница исчезли с поля зрения следом за ней. Мы стояли на дороге в полной растерянности. Юрик перестал кривляться, а я с часто бьющимся сердцем смотрела в ту сторону, где, по идее, должны были находиться Люси, Ксюша и воспитательница. Тут я услышала хохот. Это смеялась Ира.

– Я при виде своего, наоборот, убегаю. – Ирин хохот стал еще громче.

– Ира, не время сейчас. – Екатерина Андреевна дернула Иру за рукав.

– А по-моему, самое время. – Ира перестала хохотать, но по ее лицу расползлась широкая улыбка.

Не смотря на то, что я не была в тесной дружбе с Люси, в тот момент мне было ее очень жалко. Впервые Ирин смех разбудил во мне злость. Но я быстро ее погасила, так как все-таки Ира – это Ира. Она не виновата, что так любит правду.

Через пару минут вдалеке, наконец, мы увидели Люси, Ксюшу и воспитательницу. Ксюша держала Люси за плечи, воспитательница шла чуть поодаль, тяжело дыша. Они приблизились к нам. От быстрого бега бант на блузке Люси развязался и понуро повис. Люси смотрела перед собой. Подойдя ближе к нам, она вдруг села на асфальт и разразилась громким плачем.

Воспитательница ринулась поднимать Люси.

– Тише, тише, девочка моя. Тебе просто показалось. – Воспитательница гладила Люси по голове и спине, поднимая ее с асфальта.

– Да ладно, не плачь. У тебя еще два месяца надежды есть. – Ира все так же продолжала улыбаться.

Люси подняла глаза, и сквозь текущие слезы тяжело посмотрела на Иру.

– А у тебя ни одного. – Вдруг по-злому, с тяжелым выдохом ответила Люси.

На миг улыбка исчезла с лица Иры. На секунду она словно растерялась, а нижняя губа незаметно дрогнула. Но Ира быстро взяла себя в руки и снова растянулась в улыбке.

– Это да.

Ксюша взяла Люси за руку и встала к нам в строй. Та безвольно последовала за ней.

– Пойдемте. – Ксюша кивнула воспитательницам.

До детдома мы доехали практически в полной тишине.

Позже мы узнали, что раньше среди этих жилых домов, Люси жила со своей бабушкой.

В первые дни мая было невыносимо жарко. Мы нараспашку открывали окна, чтобы в комнате было хоть немного свежего воздуха. К нам залетали мухи, и каждый вечер перед сном мы бегали за ними с журналами и газетами, чтобы не слышать их громкое жужжание по ночам. На майские празд-

ники Ксюша уехала к тете. Это был первый раз, когда ее забрали – Ксюша сказала, что тете была необходима помощь с тремя детьми во время выходных, и что она теперь достаточно взрослая, чтобы справиться с ними. Теперь Ксюша стала кому-то нужна.

Ксюшин уход ассоциировался с уходом Полины. Поэтому первые дни прошли невесело. Еще мы гадали, что будет, когда в конце весны за Люси так никто и не приедет.

– Ну, снова станет Людой. – Безразлично пожала плечами Ира.

Практически целыми днями Люси не заходила в комнату. Теперь она каждый день, с самого утра и до самого вечера проводила время во дворе, рядом с калиткой. Люси хотела встретить папу прямо у самых ворот.

В середине праздников погода резко ухудшилась. Полил сильный дождь и упала температура. Все окна пришлось закрыть, мы снова достали теплые вещи, а Люси вновь вернулась в комнату. Она, как обычно, большую часть времени проводила со своим учебником. Мы периодически смотрели фильмы, играли с другими ребятами и со скуки затевали драки, чтобы хоть как-то скоротать тянущееся время.

В самый последний день праздников, за день до приезда Ксюши, произошло то, что навсегда перевернуло наши жизни.

Тем утром нас разбудил шум, доносящийся откуда-то из двора. Открыв глаза, и замерев на пару секунд спросонья,

мы вскочили и побежали к окну. Открыв его нараспашку, мы слышали чей-то громкий ор.

– Сука!

Голос кричащего был хриплым, а сам крикун – пьяным. Высунувшись из окна, мы пытались разглядеть, кто же там так орет.

– Сука, выходи давай.

Все одновременно посмотрели на Люси. Она попятилась от окна и замотала головой.

– Явно не на французском. – Ира засмеялась и быстро натянула на себя джинсы.

Мы все кинулись вслед за ней, во двор. Краем глаза я видела, что Люси была очень бледна. Когда мы спустились, во дворе уже собралась толпа. Воспитательницы окружили мужчину, стоящего на территории детдома перед воротами. Наш охранник пытался перегородить ему путь. Другие ребята детдома стояли чуть поодаль, кривя рты в улыбках. Мы подошли ближе к мужчине. Шатаясь, стоял Ирин папа. Ира на секунду замерла, оценивающе присвистнула и пошла напрямиком к нему.

– Ира, стой, не видишь, он пьяный! – Екатерина Андреевна попыталась ухватить Иру за руку, но та лишь отмахнулась от нее.

– Че надо? – Ира встала напротив отца.

Тот, качаясь из стороны в сторону, уставился на свою дочь. Охранник держал его за плечо, готовясь, в случае чего,

повалить на землю, то ли наоборот, поддерживая, чтобы тот не рухнул.

– Сука ты неблагодарная. Отцу родному средний палец, значит. – Он еле шевелил языком, слова звучали так, словно его рот был полон ваты.

– Да не, папань. Очень благодарная. Спасибо, что привел сюда. Лучше уж тут, чем вот с таким дома.

Папа Иры уставился на нее. Он беззвучно шевелил ртом и тяжело дышал. Вдруг он начал плакать.

– Ты думаешь, я по своему желанию тебя, свою родную дочь, сюда привел? Нам же жрать не на что было.

– Зато сейчас, вижу, есть на что.

Отец Иры замахнулся рукой и кинулся на нее. Ира не двинулась с места. Охранник быстро повалил его на землю и выволок под громкий ор и матюги за калитку.

Ира повернулась к нам. Она посмотрела на наши любопытствующие лица, ухмыльнулась и пошла обратно в дом. Я обратила внимание, что Люси была легкая дрожь. Она обхватила себя руками, пытаясь ее унять.

Вернувшись, мы не нашли Иру в нашей комнате. Ее также не было ни в гостиной, ни в столовой. Подойдя к ванной, и дернув ручку, мы услышали голос Иры:

– Занято.

Ира не выходила к нам до обеда. Переварив утренние эмоции, мы уже подуспокоились и сидели в гостиной. Ребята устроили игру в шарадные шелбаны. Если кто-то не угады-

вал изображаемое животное, то получал щелбан от каждого. В кривляниях мальчишек было мало что понятно, поэтому все сидели уже с довольно красными лбами. Люси тоже была в гостинной. Она сидела молча поодаль и не принимала участие в игре. Утреннее происшествие подействовало на нее гораздо сильнее, чем на нас.

В середине дня к нам, наконец, вышла Ира. У нее были красные глаза и раскрасневшееся, слегка припухшее лицо. Она окинула нас быстрым взглядом и заметила сидевшую поодаль Люси. Та, почувствовав взгляд, подняла голову и посмотрела на Иру.

– Что, все еще ждешь своего папашу? – По опухшему лицу Иры растянулась улыбка. Она медленно начала подходить к Люси.

– Жду. – Помедлив немного, ответила Люси.

Ира остановилась.

– А что если, придет вот такой, как мой?

Люси смотрела на Иру из-под лба. Мы прекратили игру и, затаив дыхание, смотрели на разворачивающуюся перед нами сцену.

– Он не такой. – Совсем уже тихо проговорила Люси.

– Ну а какой? – Ира сделала особенное ударение на “какой”.

Люси ничего не ответила. Ира широко улыбалась. Она знала, что сейчас наступил тот самый момент так ею любимой правды. Она скажет сейчас все то, о чем уже давно до-

гадалась. И ее не сможет остановить ни Ксюша, ни кто-либо другой.

– Ты же не знаешь, какой у тебя отец. Ты даже не знаешь, кто он, чем занимается, и где вообще живет. Может, он бухает в соседнем дворе вместе с моим. Ты же его ни разу не видела. Твоя бабушка все это время врала, чтобы не расстраивать любимую внученьку. Теперь бабушки нет, и врать теперь тоже не кому. Родители тебя просто бросили, также, как и всех нас. Ты никому не нужна. Никто за тобой не придет. И не в какую Францию ты не поедешь. И никакая ты не Люси. Ты Люда. Люююю-даааа. – Ира насмешливо растянула ее имя. – Люда, Люда, Люда. – Ира начала громко, на всю гостиную, скандировать ее имя.

Размахивая руками, она стала агитировать других присоединиться к ней. Скучающие ребята, учув развлечение поинтереснее шарадных щелбанов, тоже начали выкрикивать имя Люси.

– Люда, Люда, Люда, Люда, Люда. – Писклявые, хриплые, басистые, звонкие и громкие голоса начали доноситься ото всюду.

Люси побледнела и встала, зажав в кулаки края своих штанов. Она стояла неестественно прямо, вытянувшись, как струна и с ужасом смотрела на орущих ребят.

Я, подавшись общей волне, тоже начала дразнить:

– Люда, Люда, Люда.

Во всем этом было что-то упоительное. Мы окружили ее,

смеялись, и кричали, кричали ее имя. Наташенька, которую напугали громкие крики, начала жалобно хрюкать.

Люси задрожала. По ее щекам потекли слезы. Она, как загнанная зверь, начала отходить к коридору.

– Я Люси, Люси! – Ее голос звучал тихо, из-за сдерживаемых рыданий она еле могла говорить.

– Ты Люда! – Смеясь, орала Ира.

Мы вплотную подходили к Люси. Мальчишки кривлялись, кто-то свистел, кто-то громко смеялся. Рот Люси скривился от рыданий. Всклипнув, она резко развернулась и побежала от нас по коридору. Мы в догонку продолжали свистеть, смеяться и орать:

– Люда, Люда, Люда.

Вечером мы нашли Люси лежащей лицом вниз на своей кровати, под одеялом. Она не отреагировала на наш приход. Было похоже, что Люси спала, хоть ее дыхание и было неровным.

– Ничего, скоро придет в себя. – Ира завалилась на свою кровать.

Мы все переоделись, с трудом уложили разволновавшуюся от всего пережитого Наташеньку, и разошлись по своим кроватям. Я еще раз кинула взгляд на горку с одеялом на кровати Люси. Мне было немного стыдно.

Ночью я проснулась от громкого плача. Приподнявшись на кровати, и прислушавшись в темноте, я поняла, что это

плачет Наташенька. Скинув с себя одеяло, я встала и, тихонько подойдя к ней, взяла Наташеньку на ручки.

– Тише, тише. – Я пыталась ее успокоить.

Наташенька не переставала реветь и протягивала куда-то вперед свою ручку. Я посмотрела в ту сторону и замерла. В темноте белела аккуратно заправленная, с расправленной подушкой и свернутым одеялом, пустая кровать Люси.

Я принялась всех будить.

– Люси нет, Люси нет! – Я тормошила сонных девочек. Те, еще толком не проснувшись, озирались по сторонам, и видя кровать Люси, вскакивали со своих мест.

В шкафу мы не нашли принесенных Люси желтой юбки, блестящей блузки и побитых туфель. Также мы нигде не увидели учебника по французскому языку – Люси взяла все свои вещи. Ира, увидев опустевшее место, несколько секунд просто молча на него смотрела. И вдруг она резко рванула с места в коридор. Мы побежали вслед за Ирой. Обежав все углы и обыскав все комнаты, мы поняли, что Люси в доме нет. Нужно было идти к дежурной воспитательнице. Мы спустились на первый этаж – там располагалась административная часть и находилась спальня дежурного воспитателя. С дико стучащими сердцами, мы сначала слегка постучались в дверь спальни. Не получив ответа, мы начали бить в дверь сильнее и сильнее, больно ударяя свои руки.

– Да что происходит? – Послышалось с другой стороны двери.

В комнате завозились, зашаркали ногами и, повернув ключ, распахнули дверь.

– Екатерина Андреевна, Люси сбежала.

Целый месяц велись активные поиски Люси. Помимо полиции, ее искали группы волонтеров. По городу были развешены объявления с описанием Люси, но не было ни одной фотографии – никто не успел ее сфотографировать до исчезновения, а старые фотографии попросить было не у кого. Периодически появлялась информация, что якобы нашлась похожая девочка в соседних городах. Когда волонтеры и воспитательницы выезжали туда, выяснилось, что это совсем не Люси, и что девочка никуда не исчезала, а просто была потеряна в магазине, парке, на улице не уследившими за шустрыми детьми взрослыми.

Кто-то говорил, что видел похожую девочку на перроне вокзала. Были слухи, что какая-то маленькая девочка ехала одна в вагоне поезда. Но это все были лишь истории – каждый раз менялись названия вокзалов, появлялись уж совсем странные и фальшивые детали – якобы увиденная девочка совсем не говорила по-русски, и лепетала исключительно на французском. Спустя месяц поиски стали утихать. Надежда найти Люси становилась все меньше и меньше.

В нашей комнате мы, оставаясь наедине, не говорили про произошедшее. Каждый чувствовал вину на себе, и нам казалось, что если мы заговорим об этом, то наша вина ста-

нет как будто официальной. Наташенька и Ксюша с большим трудом переживали исчезновение Люси – Наташенька сильно плакала, а Ксюша не могла себе простить, что ее не было рядом, когда Люси в ней так нуждалась. После случившегося с Ирой произошли большие изменения. Она вообще перестала смеяться. Теперь Ира редко что-либо говорила и практически ни с кем не общалась. Только покорно выполняла работу, поступающую от воспитательниц по детдому, и готовилась выпуститься в большой мир. Обязанности главной в комнате переняла на себя Ксюша.

Однажды ночь я проснулась от плача и уже по привычке подошла к кровати Наташеньки, чтобы ее успокоить – ночные истерики теперь с ней стали происходить регулярно. К своему удивлению, я обнаружила, что Наташенька крепко спит, и что плач раздается с другой стороны комнаты. Я пошла на звук, и увидела, что плачет Ира.

– Ты чего? – Я села на край ее кровати.

Ира замотала головой.

– Да ладно тебе. – Я положила руку на плечо Иры. Ира скинула мою руку.

– Я любила правду. А теперь и ее ненавижу.

Ира выпустилась в большой мир раньше положенного – за полгода до своего восемнадцатилетия. Она нашла работу в швейном цеху и переехала к какому-то мужчине. Воспитательницы говорили, что пусть лучше так, чем если еще один ребенок попадет в детдом – уже Ирин. Ксюша смогла

устроиться к тетке на мясокомбинат и помогала ей с детьми. Я иногда созваниваюсь с ней и мы всегда поздравляем друг друга с праздниками.

Когда выпускалась я, из наших стареньких оставались в детдоме Света и Наташенька. Оксана, моя сверстница, уехала работать в другом детдоме нянечкой. “Я знаю, что такое, когда нет любви. И я очень хочу ее подарить тем, у кого ее тоже нет” – так она объяснила свое решение. Света отстригла свои волосы и покрасила их в черный. Она хотела стать музыкантом и рубить, по ее выражению, только честную музыку. В ее речи все так же звучали запрещенные слова, только теперь она использовала их еще более виртуозно и даже вставляла в песни. Наташенька более-менее научилась говорить, при этом картавя, словно крутя, букву р. За последний год к нам поступили еще три новенькие девочки – двухлетка, семилетка и десятилетка. Я не очень много с ними общалась и не успела к ним привязаться, так как в последний год приходилось много учиться, и я часто проводила время вне детдома. Я смогла закончить техникум, устроилась работать бухгалтером и по совместительству администратором в один частный ларек. Мы продаем канцелярские товары, недорогие книги и газеты. Иногда нам завозят иностранные журналы из Европы – для публики, которая интересуется заграничной модой и знает другие языки. Эти журналы я просматриваю с особенной тщательностью. Всматриваясь в лица девушек, которые стоят в не очень удобных позах, но в

очень красивых одеждах, я пытаюсь узнать среди них знакомые маленькие черные глазки и большой, непропорциональный рот с тонкими губами. Но все девушки либо очень друг на друга похожи, либо загримированы так, что за этим слоем краски, камней и перьев, я бы не узнала и саму себя. А выросшую Люси – и подавно. Мне хочется верить, что она все-таки смогла добраться до Франции. Что там ее встретил отец, и она бежала к нему в своей красивой блестящей блузке и желтой юбке. Мне хочется верить, что она стала моделью или, например, актрисой, снимается в кино и для журналов. Мне хочется верить, что там она нашла много хороших друзей. Они все улыбаются своими белыми зубами, на их фоне виднеется железная башня и стеклянная пирамида, на столах лежит вкусный белый хлеб. И все они громко и весело называют ее по имени – “Люси, Люси, Люси”.